

Галена и шурк

Национальный калорит

севера

Памяти Р.П. Ругина

Он воспевал родную тундру,
Ямал, столь сердцу дорогой,
Жизнь рыбаков, оленеводов,
И млечный путь над головой.

Его душа переживала
За образ жизни кочевой,
Что семьи северных народов
Ведут привычно вековой.

Они каслают ежегодно.
В чумах, не жалуясь, живут
Пасут оленей, ловят рыбу,
Из лап оленьих бурки шьют.

А молодёжь стремится в город
В квартирах тёплых проживать,
Врачами и бухгалтерами
И лётчиками хочет стать.

Да, молодым везде дорога:
И вправе свой ты выбрать путь,
Но только, думая о жизни,
Ты опыт предков не забудь!

Нельзя, чтоб тундра опустела,
Нельзя, чтобы олень пропал,
Нельзя, чтоб только буровые
Запомнили родной Ямал.

Нельзя, чтобы муксун и нельма
Пропали с нашего стола,
А жизнь народа кочевая,
Чтоб только в сказках и была.

Об этом он писал рассказы,
Об этом он писал стихи,
Выплёскивая боль и нежность
В словах любой своей строки.

Его наследье самобытно.
Он в творчестве неповторим,
А потому забываем
И всем народом он любим.

Галина Штурн

Разговор с духами

Шаман костюм свой надевает,
В священный бубен громко бьёт,
В ночи костёр горит, пылает.
Вокруг костра сидит народ.

Свой танец медленно с раскачкой,
Как будто, крадучись, начав,
Он то присядет, то подпрыгнет,
То вдруг запев, то замолчав.

Он бубном духов призывает.
И звук в морозной тишине
Летит над тундрой, растворяясь
В бескрайней белой вышине.

Шаман кружится всё быстрее
И в бубен всё сильнее бьёт.
И хриплый голос всё мощнее,
И всех он за душу берёт.

Хранитель ценностей духовных
Народов северных своих
Шаман передаёт вселенной
Все чаяния и беды их.

Костёр горит, пылает жаром.
Шаман же кружится волчком.
Вопросы он задаст не даром –
Ждёт угощенье всех потом.

Своих он духов вопрошает:
Каким грядущий будет год?
Как сохранить оленей в стаде?
Каких прибавится забот?

Шаман всё кружится в экстазе,
Проя здоровья всей родне,
Охотникам зверья побольше
И рыбы больше в глубине.

Свои он вверх вздымает руки
И молит всех своих богов
Избавить род от бед, разрухи
И уничтожить всех врагов.

Шаман упал в изнеможеньи.
Он получил ответы все.
Уже оленя забивают
Варить на жертвенном костре.

И кровь горячую, живую
Все люди радостно здесь пьют.
И благодарность духам предков
Они с любовью воздают.

Галина Штурн
Модницы тундры

Сегодня праздник. Свой наряд
Оденут местные девицы.
Имеют повод показать
Своё искусство мастерицы.

Из шкур оленьих сшит наряд
Ручной особой обработки.
В таких нарядах стар и млад
По тундре ходят беззаботно.

Из лап оленьих сшит узор
Тонюсенькой цветной полоской
Украшил головной убор,
Сбежал по малице дорожкой.

В узоре лапы двух цветов:
Коричневый и белоснежный,
Переплелись, нарисовав,
Рога, следы из тундры снежной.

Из бисера узор горит,
На солнце он сверкает ярко,
Он о терпенье говорит
И о характере хозяйки.

На ножках бурки всех цветов.
Зимой в них ножкам не морозно.
На нартах ехать и бежать
По тундре в них легко и просто.

Вся оторочена песцом
У этой модницы ягушка.
А впереди идёт с мальцом
В расшитой малице старушка.

Да, тундровички хороши.
Как реки от истоков к устью,
Все на плечах своих несут
Произведения искусства!

Галина Штурн

Про оленя

Животное священное
У коренных народов
В нём жизни проявление
Суть северной природы.

Олень – это одежда,
Олень – это еда.
И транспорт вездесущий.
Со мной олень всегда.

В буран собой закроют
Олени нас всегда,
И пурговать под снегом
Не страшно нам тогда.

Чум покрывает полог.
Из шкур оленьих он.
В мороз, и в зной, и в ветер
Укрыты люди в нём.

И обувь, и одежду
Из шкур оленьих шьём.
Лекарство дорогое
Мы из рогов берём.

С рожденья и до смерти
Народ наш тундровой
С оленем породнился.
С ним летом и зимой.

О нём поём мы песни,
Слагаем мы стихи.
Природе благодарны
Все за оленя мы.

Галина Штурн

Утиная охота

Эх, охота, ты охота!
Над рекою берега.
В сером мареве болота
Уток крик издалека.

Всё давно уже готово:
Сумка, ружья, патронтаж.
Сапоги стоят – обновы,
В них пройду и топь, и грязь.

Зуд охотничий давно уж
Не даёт покоя мне:
Пересчитываю снова
Все листки в календаре.

Соль и спички, и тушенка –
Всё готово в рюкзаке.
И отцовская лодчонка,
Просмолёная уже.

Жду охоты с нетерпеньем,
Предвкушаю миг, когда
Пара уток над болотом
Вылетает из гнезда.

Я, прицелясь, провожаю
Утки выбранной полёт,
И без промаха стреляю.
Жду, трофей мой упадёт.

Верный пёс по кличке Алый
Тот трофей приносит мне.
И сейчас мы утку сварим
На охотничьем костре.

На природе, на полянке
Дух утиный над костром.
Рядом сушатся портянки.
И грибов полно кругом.

Отлетели все заботы.
Надо мною небеса.
Ах, как чудно на охоте!
Очищается душа.

Единение с природой
И ночевки у костра,
Мысли, планы, размышленья,
Вплоть до самого утра.

Каждый день приносит радость.
Сбит охотничий азарт.
Утки – это только малость.
Ты охота – жизни старт!

Возвращаться на работу
Мне уже пришла пора.
Жаль закончилась охота.
Счастье, что она была!

Рыбалка

Вечер. Солнце на закате.
Тихо плещется река.
Сети ставим вместе с братом,
Над рекою облака.

После к берегу крутому
Мы причалим в тишине.
То, что взяли мы из дома
Быстро сварим на костре.

И вкусная ужин сытный,
Мы беседу заведём,
говоря неторопливо,
абсолютно обо всём.

Все насущные вопросы
Мы обсудим и решим.
А на женские запросы
Для порядку поворчим.

После, всласть наговорившись,
Мы заляжем у костра.
И раздастся храп могучий
Под гуденье комара.

Утром сети вынимаем
И живое серебро,
Чешуёй блестя, сверкая,
В лодку падает на дно.

Рыбки мы теперь засолим.
И навялим, накоптим.
Рыбкой северной отменной
Всю родню мы угостим.

И шикарную ушицу,
Ты, хозяйка, сваришь нам.
За рыбацкую удачу
Нам налив по двести грамм.

Тест на выживаемость.

Убелённый сединами ветеран аэрофлота, слушая, как молодёжь без умолку трещит про интернет, планшеты и компьютеры, вдруг хмыкнул и сказал:

- Интернет – это, конечно, хорошо. А навигаторы ещё лучше. Да только я вам расскажу историю из своей лётной практики, когда интернета и сотовых телефонов в помине не было. Связь между экипажем и диспетчером осуществлялась только по рации. Ну, а если, рации нет, то и связи никакой нет!

Я, командир вертолёта, получил задание отвезти на озеро Щучье рыбака, чтобы тот подготовил улов к отправке. Дело было зимой. Рыбак с молодой розовощёкой женщиной – женой, как я тогда подумал, уже был готов к полёту. «Ишь ты, старый, какую молодку себе отхватил», - подумал я. Загрузили его нарту с провизией в вертолёт. Он с собакой и женщина разместились вокруг нарты. Вертолёт поднялся в воздух и взял курс на озеро Щучье. А этих озёр Щучьих не сосчитать: Большое Щучье, Среднее Щучье, Малое Щучье, да ещё между ними несколько озёр без названия. И все покрыты снегом. Я говорю рыбаку: «Сейчас круг сделаем, смотри, - то ли это озеро». «То, то»,- говорит он и головой кивает.

Ну, раз то, я сел, рыбака с женой посадил и улетел. Там у озера был сделан охотничий домик. Специально для рыбаков, чтобы они могли в нём жить, когда сети ставят и когда улов вынимают.

Вот рыбак женщину с собакой оставил у нарты, а сам встал на лыжи и пошёл избушку искать. Да только он ошибся. Не на то озеро мы сели, и домик он, естественно, не нашёл. Он пошёл всё дальше и дальше, понял, что от озера ушёл, но возвращаться не стал, а чтобы не заблудиться, решил выйти к людям. А у нас то на Ямале на сотни километров не найдёшь живой души. И прошагал он аж 400 км, пока не вышел к какому-то посёлку. Пока он пришёл в себя, пока нашёл к кому обратиться, пока ему поверили, что он столько километров отмахал, да пока привезли в Салехард – прошло больше месяца.

Вот однажды сижу я на вертолётной площадке. Мне говорят: «К тебе пришли». Смотрю, а это рыбак.

- Здравствуй, начальник, - говорит он.

- Здравствуй.

- Дочка на озере осталась. Жалко.

- Дочка? А я думал жена.

- Дочка, дочка.

- А почему осталась? – спрашиваю я. И он рассказал о своём переходе.

- Ё, моё... Так она всё это время там? На озере?

- Ну да, там. Жалко дочку.

Я, конечно, сразу доложил о сложившейся ситуации, получил «добро» и полетел искать дочку рыбака. Хотя очень сомневался, что мы её найдём. Всё-таки женщина, одна в тундре больше месяца. Жива ли?

Прилетели на Щучье, стали кружить над этим озером. День был ясный, видимость отличная. Да только сверху человека не так-то просто увидеть. Хорошо, что она с ружьем шла. По ружью и поняли, что человек идёт, да собака рядом. Когда сели, смотрим, а она чуть живая. Была румяная, молодая. А сейчас – кожа да кости. Так похудела, что смотреть страшно. Но она молодец, не зря в тундре жила. Видно, припасы потихоньку подъела. Когда поняла, что отца нет, стала вокруг нарты кружить, вокруг озера ходить, охотиться. Этим и продержалась. И хотя, она совсем отощала, но ружьишко не бросила, с собой таскала. Поняла, что её искать будут и далеко от озера не уходила.

Взяли мы её на борт, поднялись в воздух. А тут, кто-то из моих пацанов, решил её накормить. Она, как увидела мясо, сразу в него вцепилась двумя руками. Я кричу: «Вы что делаете?! Ей же нельзя! Отберите сейчас же!» А она в это мясо вцепилась мёртвой хваткой. Еле-еле с трудом отобрали. А вместо мяса чая горячего дали. Когда мы прилетели, нас уже скорая ждала. Её сразу отвезли в больницу.

Выжила дочка рыбака. Поправилась. Вместе с отцом приходила нас благодарить. Вот такой она прошла тест на выживаемость.

Галина Штурн

Легенда

(Сказка для взрослых)

Молодой удачливый охотник женился. Невесту взял из дальнего стойбища на другом берегу Оби. Через всю тундру проехал, не поленился. Юная жена была красавица. Кожа белая нежная, как лебяжий пух. Волосы густые смоляные, ниже пояса. Губы алые, пухлые. Глаза жгучие, зовущие. Руки мягкие, ласковые. Тело крепкое, налитое, кровь с молоком.

Всё стойбище гуляло на свадьбе охотника. Все любовались его красавицей женой. А молодая хозяйка вошла в чум и стала наводить порядок. Перво-наперво разожгла огонь, поставила кипятиться чайник. Выхлопала постель из оленьих шкур. Достала посуду, расставила её на столе. Нарезала хлеб и строганину из нельмы. Пригласила мужа к столу.

Ест охотник, пьёт, да на молодую жену любит. Вот и ночь пришла. В чуме жарко стало, а от огня в очаге светло. Молодые давно сняли малицы, кисы и бурки. Расплела жена косы, распустила их по белым плечам. Прикрыли они её точёную фигуру. Стала она ещё соблазнительней. Полились у охотника нежные слова, начались любовные ласки. Жаркой была эта ночь любви. И было таких ночей много.

Но пришла пора охотнику в тундру идти, зверя добывать. Собрался он в дорогу, свистнул собак, одел лыжи и ушел охотиться. Хозяйка, оставшись одна, хоть и заскучала, но дела не забывала. В чуме прибрала, в огонь дров подкинула, села шить узор из оленьих лап на бурки. Шьёт да песню поёт, а голос звонкий, озорной. Шьёт она и не знает, что за ней Дух Огня давно наблюдает. Да не просто наблюдает, а любит.

Очень приглянулась хозяйка Духу Огня: и молода, и красива, и весела. Да ещё так поёт. Горит огонь, распалается, с хозяйкой быть вместе мечтает. И стала хозяйка замечать, что огонь к ней равнодушен. Только поставит чайник – он тут же вскипает, варит оленину – она вкуснейшая с дымком, жарит рыбу – а она просто тает во рту.

С тех пор только охотник уйдёт на работу, хозяйка быстренько переделает все дела и начинает дразнить Духа Огня. То разденется и волосы распустит, то начинает по чуму кружиться и песни петь. Дух Огня распалается, поленья трещат, искры летят. А хозяйка только смеётся: «Не достанешь меня! Не возьмёшь!»

Но однажды, когда охотник и хозяйка занимались любовью, Дух Огня изловчился и выкинул уголёк прямо на волосы хозяйке. Запахло полёным. Подскочили оба. Смотрят, а волосы хозяйки тлеют и дымят. Заплакала хозяйка горячими слезами. Охотник молча оделся и вышел из чума. Принёс он несколько

охапок дров и положил их у очага. Принёс запас хлеба и чая, положил на стол. Принёс оленину и рыбу, положил на холод, у выхода.

Одетая хозяйка села на колени у очага и молча плакала. Охотник поцеловал её в губы и, стиснув зубы, шагнул из чума.

Сидя у горящего очага, хозяйка слышала, как всё стойбище собирается в дорогу: снимают чумы, запрягают оленей. Бегают дети, лают собаки, плачут женщины. Она плакала и знала, что сейчас они уедут, а она останется одна. Ах, зачем она дразнила Духа Огня! Ведь она знала – закон тундры суров: если Дух Огня выбрал себе женщину – её оставят ему навсегда.

Огонь горел, Дух Огня радовался – наконец-то они остались вдвоём. А хозяйка молча, не меняя позы, плакала, глотая слёзы. Она ни разу не встала, чтобы подбросить дров в огонь. Ни разу не встала, чтобы поесть или выпить чаю. Огонь угасал и Дух Огня терял силы. В чуме становилось всё холоднее. Холод пробирал её до костей, слёзы стали застывать на щеках, но она не шевелилась. Так и смотрели они друг на друга: угасающий Огонь и замерзающая женщина.

Когда через несколько дней, проезжающие мимо оленеводы, увидели, занесённый снегом чум, они очень удивились. Из чума не шёл дым. Войдя в чум, они увидели потухший очаг и застывшую молодую красивую женщину. Они всё поняли. Здесь восторжествовал закон тундры: Дух Огня забрал себе женщину.

Оба поплатились: он - за свою необузданную страсть, она – за своё безрассудное кокетство.

И с тех пор все женщины тундры стали носить ложные косы, чтобы Дух Огня никому больше не смог опалить волосы, и никого больше не смог забрать с собой.